

Сегодня юго-восточное побережье встретило их безветрием и мелким дождем — по сравнению с двумя предыдущими днями это казалось почти благодатью.

По приказу Оупена столичные солдаты уже прочесали весь восточный берег и постепенно продвигались к юго-восточному. Безрезультатно.

— Ты уверен, что оно вообще оставляет следы? — раздраженно бросил Кенли.

Новость о побеге русала Оупен держал в строжайшей тайне. Императорская семья утопала в праздности, а нижестоящие и подавно ни о чем не подозревали. Масштабные поиски на побережье превратились в излюбленную тему для сплетен за ужином. Общественное мнение сошлось на одном: Оупен наверняка потерял какую-нибудь драгоценность. Небось, подарок от знатной дамы — что-то такое, в чем стыдно признаться.

А сам виновник слухов стоял на берегу, и на его лице не дрогнул ни один мускул.

— Обязательно оставит. Метить территорию костями добычи — их врожденный инстинкт.

Кенли нахмурился, утер пот и вдруг осекся:

— погоди. Ты же сам говорил, что это жрец, поглотивший божественную сущность?

Оупен покосился на него. Из-за тонких век и слегка запавших глазниц его взгляд сверху вниз всегда казался пронизывающе пренебрежительным.

— Сейчас Он, возможно, слабее обычного русала. В незавершенной форме русалки используют только зубы и когти.

Кенли утер пот и зашагал дальше по пляжу. В какой-то момент до него дошло:

— Оупен, если Он настолько безобиден, зачем тебе столько солдат...

— Какого рода идиот ты такой? — ледяным тоном оборвал алхимик. — Если Он столкнется с чем-то, содержащим божественную силу, или...

— Короче говоря, все зависит от того, улыбнется ему удача или нет? — Кенли резко остановился. Жирные щеки сдавили и без того крошечные глазки, но это не помешало его взгляду стать по-настоящему угрожающим.

— Ты используешь меня как марионетку и держишь за дурака!

...

Оупен промолчал.

Солдаты на пляже подняли головы, с нескрываемым любопытством наблюдая за противостоянием двух вельмож.

Кенли грубо оттолкнул алхимика:

— Три дня. Даю тебе максимум три дня.

— Вы...

Генерал развернулся и зашагал в противоположном направлении, напоследок с силой врезавшись плечом в Оупена. Слуги бросились догонять и поддерживать его, смертельно боясь, что драгоценная генеральская туша грохнется на землю.

Вспомнив, как эти два дня Оупен гонял его, словно дворовую шавку, Кенли развернулся и, ткнув пальцем алхимику в лицо, выдал с напыщенной аристократической надменностью:

— Я оставляю за собой право привлечь вас к ответственности по закону.

Лакеи за его спиной мгновенно задрали носы, одаривая Оупена высокомерными взглядами.

...

Ветер крепчал. Свинцовые тучи напоздали с горизонта, предвещая надвигающуюся бурю. Оупен не сдвинулся с места, провожая взглядом силуэт Кенли, пока позолоченная карета не скрылась за линией прибоя.

К нему подбежал исследователь с зонтом:

— Господин директор, что случилось?

Оупен смотрел вдаль, словно не слышал вопроса.

— Три дня. За три дня Его необходимо найти, — произнес он наконец, переведя холодный взгляд на подчиненного.

— Но мы уже прочесали всё до южного побережья — и ничего! Дальше на запад начинаются территории Ханмарской империи...

Оупен жестом оборвал его:

— Сегодня ночью я проведу астральный ритуал.

Исследователь оцепенел.

Астральный ритуал — древнейший из запретных алхимических обрядов, позволяющий считать нити судьбы. Каждое его применение требовало в качестве платы часть жизненной силы заклинателя.

Использовать его для отслеживания русалок, в чьих жилах текла кровь Древнего Бога...

Оупен проигнорировал взгляд подчиненного, полный ужаса, словно тот смотрел на безумца, и развернулся, направившись вслед за Кенли.

Сегодняшняя вспышка генерала не была случайной. Если подсчитать дневное жалованье столичных солдат и умножить на количество задействованных людей, за эти дни Оупен сжег как минимум десять тысяч золотых монет.

А Кенли и без того находился под давлением: его чрезмерный контроль над армией в последнее время привлекал нежелательное внимание. Ему было не до чужих проблем, и всю злость он выплеснул на алхимика. А уловив слабое место в его аргументации, тут же ухватился за повод.

Человек, сжимающий в кулаке военную мощь целой империи, но при этом превратившийся в жалкую, расплывшуюся массу... Внутри Оупена клубилась вязкая, непроглядная тьма. Он ненавидел Кенли. Ненавидел солдат на пляже. Ненавидел всю эту страну.

Память унесла его в годы учебы. В аристократической академии все вокруг сверкали и лоснились. Тогдашний император был высок и красив, а молодой Кенли, державшийся рядом, мало ему уступал. Благородные девицы, придерживая пышные подолы, залиvisto хохотали; за ними тянулись вереницы слуг с учебниками и горничных с чемоданами.

А он был жуком, случайно забредшим в сказочный мир. В ученической форме алхимического ордена, которую носил уже второй год, с половиной лица, скрытой за толстыми стеклами дешевых очков. Он стоял ниже даже тех слуг за спинами господ.

Долгие годы после этого ему приходилось урывать крохи времени между изнурительной учебой и бесконечной зубрежкой алхимических трактатов, чтобы натаскивать благородных недорослей к экзаменам. Приходилось подменять лакеев, когда Кенли и его свита напивались до бесчувствия. И даже после всего этого, в конце семестра, его собственные наставники неизменно отчитывали его. Старые алхимики не видели в нем ни капли таланта и терпели лишь потому, что таковы были правила ордена.

Именно тогда Оупен поклялся: он станет тем, кто устанавливает правила.

Сразу после выпуска он возглавил молодое поколение алхимиков. К тридцати годам занял

место в Совете Старейшин, обменяв несколько рецептов лекарств от наследственных болезней императорской семьи на право основать собственный исследовательский институт.

Наконец у него появилось свое место в мире. И тот самый дневник, найденный в юности в пыльных недрах древней алхимической библиотеки, был снова извлечен на свет.

Тысячелетней давности записи обезумевшего алхимика зазвучали в его ушах хриплым, надтреснутым шепотом:

«Я сделал это. Этот чернохвостый действительно призвал Древнего Бога. Но он никогда не узнает, какую катастрофу это навлечет на его сородичей».

«Сегодня глубоководье окрасилось в красный цвет. Он был так голоден...»

«...»

«Так вот какова мощь божества?.. Могу ли я... тоже обрести ее?»

«...»

«...Я поглощу Его. Я стану богом...»

Тот алхимик тоже когда-то стоял на этом берегу, наблюдая, как Древний Бог поднимает кровавые волны. Человек, мечтавший лишь послужить цивилизации, был мгновенно соvrащен истинной божественной силой.

Оупен перелистнул дальше. Все последующие страницы были исписаны лихорадочными формулами и вычислениями.

Он прекрасно понимал замысел предшественника: тот хотел пробудить Древнего Бога до срока, пока тот еще слаб.

И поглотить Его божественную искру.

Люди — существа, не знающие насыщения. Невежественные и бесстрашные.

Последних страниц в дневнике не хватало, но и без них было ясно: тысячу лет назад алхимия продления жизни была далека от совершенства. Он потерпел неудачу.

Но, к счастью, тысячелетие спустя нашелся тот, кто готов был принять его наследие.

Оупен сидел в карете, обхватив лицо ладонями, упираясь локтями в колени, тяжело и прерывисто дыша.

К чертям бессмертие. К чертям контроль над столичной аристократией.

Стать богом — вот его единственная, истинная цель.

Всякий, кто встанет на его пути, будет уничтожен без колебаний.

...Кенли —

Райнс учил Августа писать его имя.

В прошлый раз ему удалось вернуться в комнату раньше Герберта и избежать очередного унижения. Поэтому последние два дня юноша затаился на третьем этаже вместе с подобранным ребенком и носу не казал наружу.

Нужно лишь перетерпеть эти полторы недели... Подобно маленькому страусу, он наивно верил, что спрячет голову в песок — и опасность минует.

— Вот, это твое имя.

Райнс сидел у окна, подтянув одну ногу к груди. Длинные ресницы отбрасывали тени на щеки. Его почерк был красив: плавный курсив, по-своему изящный, хоть и лишенный академической школы.

— Сейчас август. Пусть пока будет это имя, хорошо?

Лицо мальчика наполовину скрывали бинты. Из-под них виднелись лишь безупречный кончик носа и очерченная линия верхней губы — даже этого было достаточно, чтобы угадать поразительную красоту.

Бинты Райнс тоже попросил у Тины. В последнее время он брал заказы на переписывание книг и откладывал деньги. Райнс планировал наперед: когда через два года ему исполнится восемнадцать и его вышвырнут из дома Соук, у него хотя бы будет ремесло, способное его прокормить.

Темно-синие глаза Августа скользнули по бумаге. Мыслил он пока медленно, и на осмысление написанного требовалось время.

Одетый в рубашку и шорты Райнса, маленький мальчик сидел рядом... как затаившийся хищник.

Каждый раз, когда Райнс смотрел на этого десятилетнего ребенка, откуда-то из самых глубин поднимался слабый, тянущий холодок страха.

Знай он всю правду, он бы понял: когда нет помех, инстинкт безошибочно подсказывает, как спастись.

Беги от Него. Прямо сейчас. Туда, где Он никогда тебя не найдет.

Но в этом отношении Райнс оставался новорожденным детенышем. Все бессознательные тревоги он списывал на последствия шока. В конце концов, мальчик поначалу выглядел ужасно — наверное, жуткая картина просто засела в памяти и никак не отпускает.

Райнс утешал себя, а для Августа все его страхи были прозрачны — от безупречных органов чувств русала не укрывалось ни малейшее колебание.

Райнс боялся его.

Это напомнило Ему ту белую кошку. Но Райнс, в отличие от нее, не убежит. И даже не получит такого шанса.

Потому что Он уже знал, как заставить Райнса расслабиться.

Забинтованные пальцы коснулись руки юноши. Холод проступал сквозь ткань, и никакие повязки не могли его скрыть. Но Август действовал бережно.

«Спасибо, братик. Мне очень нравится».

Он написал это прямо на коже Райнса.

Райнс смущенно улыбнулся, а затем осознал:

— Ты умеешь писать?

Это было неожиданно. В нынешние времена отправить ребенка учиться в академию могли позволить себе почти исключительно дворянские семьи.

Мысли Райнса метнулись к лицу Августа, и в голосе зазвучало оживление:

— Я эти дни просил Тину расспрашивать в окрестных деревнях, не пропал ли ребенок твоего

возраста. Пока ничего. Может, ты на самом деле из города?

Август молчал, лишь подняв на него взгляд.

— Тогда... — Райнс хотел было предложить привести мальчика на бал, чтобы кто-нибудь его узнал, но тут же вспомнил: любой прием в доме Соук означает присутствие Герберта. И его отца. И герцогини. Сверкающий золотом парадный зал на первом этаже никогда не казался Райнсу безопасным местом.

В темных сапфировых глазах Августа отражался силуэт Райнса.

Его маленький среброхвостый грустил.

Райнс вздрогнул от неожиданного прикосновения к плечу. Август дождался, пока в голубых глазах мелькнет растерянность, и лишь тогда мягко потянул юношу к себе.

Его поцелуй был похож на ласку зверька — легкое касание губ к кончику носа. Август не закрыл глаз. Он смотрел прямо на Райнса и медленно провел языком по его коже.

Этот жест не мог вызвать и тени настороженности. Август вел себя как любой потерявший память, лишенный чувства безопасности, но воспитанный мальчик — единственным известным ему нежным и учтивым способом он пытался утешить Райнса.

После трех лет издевательств Герберта неприятие мужских прикосновений стало для Райнса почти рефлексом. Но сейчас... ему захотелось рассмеяться.

— У кого ты этому научился? — мягко спросил он, с улыбкой отстраняя Августа.

А затем, слегка покраснев, опустил подбородок на колено — словно нежный бутон, наконец решившийся раскрыться. Словно говоря: можно еще раз.

...

Август почувствовал зуд в суставах пальцев. Незаметно потер подушечку указательного большим — так и есть, из-под кожи пробивался твердый коготь. Русал хладнокровно зажал его средним и большим пальцами и сломал, пряча обломок в ладони.

Даже не помышляя о трансформации, Райнс источал сладость, казалось, впитавшуюся в самые его кости, сочившуюся сквозь кожу каждое мгновение.

Только что завершивший половую дифференциацию русал не имел ни малейшего иммунитета

к этому аромату.

Нужно ускориться, думал Он. Чем раньше Он разберется с мерзкими алхимиками на другом берегу пролива, тем раньше заберет Райнса на морское дно.

В дверь постучали — резко, настойчиво. Райнс вздрогнул и торопливо отложил книгу.

— Это я! Райнс, открывай скорее!

Голос Тины он узнал мгновенно. Но почему она пришла сейчас?

Райнс обернулся и жестом велел Августу спрятаться, после чего открыл дверь.

Вместо привычного черно-белого форменного платья горничная нарядилась в короткую юбку из грубого льна цвета гусиного желтка, перехваченную на талии поясом. Молодая девушка, стоило ей чуть приодеться, тут же притягивала взгляды.

Настроение Райнса в эти дни было настолько хорошим, что он вдруг улыбнулся Тине:

— Очень красиво. Ты куда-то собираешься?

Такого она от него не ожидала. Тина даже растерялась на мгновение. Райнс, с какой стороны ни посмотри — женской или мужской — был бесспорным красавцем. Услышать комплимент от такого лица... горничная непривычно смутилась.

— Д-да, — кивнула она. — Скоро едем со старой Энни за сыром в соседний городок.

— Ты последние дни как-то изменился...

Тина окинула взглядом стоящего в дверном проеме юношу.

В ее памяти Райнс всегда ходил с опущенными глазами. Тонкий, белоснежный загривок, едва видный под золотистыми прядями, был ничуть не хуже прочих его достоинств. Тихий, покорный, всегда чуть отстраненный.

Но в последние дни что-то изменилось. Райнс стал улыбаться людям и даже, как сегодня, заводить разговор по собственной воле, а не только по необходимости.

Тина не знала грамоты, но эти перемены ей нравились. Она хлопнула Райнса по руке:

— Так держать, мне нравится новый ты!

И тут же почувствовала укол — словно игла вонзилась ей в позвоночник. Ледяная волна прокатилась от поясницы к затылку, остро кольнув где-то в основании черепа.

Тина передернулась.

— Что такое? Замерзла? — встревожился Райнс.

— Да ну, какое «замерзла», лето же на дворе, — она озадаченно потерла руки.

— Ой, чуть не забыла! — спохватилась Тина, вспомнив главную причину визита. — Меня не будет на кухне ближайшие дни. Старая Энни говорит, вернемся не раньше четверга.

Райнс изумленно уставился на нее.

Все это время Тина носила еду из кухни для Августа. Прислуга прекрасно знала, какие ничтожные порции полагались бастарду, — внезапный скачок аппетита непременно привлек бы внимание. А Герберт наверняка только и ждал повода придраться; меньше всего Райнсу хотелось оказаться у него на прицеле.

— ...Понятно, — он опустил взгляд, не сумев скрыть растерянность.

Тина не заметила его замешательства и бодро кивнула:

— Так что пока помочь не смогу. Зато в городе попробую порасспрашивать насчет твоего «братика». Не переживай!

Райнс знал, что Тина — добрая душа, и не хотел, чтобы она думала о его проблемах во время долгожданной вылазки. Он заставил себя улыбнуться.

Горничная бросила ему еще пару слов на прощание и вприпрыжку сбежала по лестнице. Судя по всему, старая Энни и другие слуги уже ждали в карете. Для прислуги подобные поездки за провизией были редкой и желанной удачей.

...

Августовский зной не спадал. Райнс подошел к окну в коридоре и выглянул во двор: внизу и правда стояла повозка. Тина появилась у парадного входа и в три прыжка запрыгнула внутрь. Кто-то из нетерпеливых слуг бросил ей пару упреков, но девушку это ничуть не задело. Она даже незаметно бросила взгляд вверх, на третий этаж, и, заметив Райнса, улыбнулась.

По обе стороны дороги пестрели россыпи безымянных цветов. Карета проехала по ним, оставив в мягкой земле две неглубокие колеи.

...Как хорошо.

Эта мысль отозвалась горечью. Ему нельзя выходить за пределы поместья — мать Герберта запретила. Даже заказы на переписывание книг он передавал тайком, под покровом ночи.

Пока Райнс стоял в задумчивости, кто-то тихонько дернул его за подол.

Он опустил глаза. Снизу на него смотрело забинтованное личико Августа.

— Братик... ты хочешь на улицу? — хрипло спросил ребенок.

Его голосовые связки все еще не зажили, поэтому последние дни он почти не разговаривал.

Август смотрел на Райнса. Темно-синие глаза в этот миг напоминали сапфиры цвета василька.

— Я заберу тебя... отсюда. Обязательно.

...

Слова обладают странной властью. Райнс прекрасно знал, что перед ним ребенок, что его обещание не имеет никакой практической силы. И все же — его отпустило.

Он мягко подтолкнул Августа обратно в комнату:

— Мне... нельзя уходить отсюда.

Как объяснить этому мальчику свою горькую судьбу и грязные тайны семейства Соук? Райнс думал, думал...

...и бессознательно закусил нижнюю губу. Розовая, нежная кожа побелела под зубами.

А потом он заметил, что Август покачал головой.

— Но я могу тебя забрать.

Не «заберу когда-нибудь», а «могу» — так, словно это было уже предreshено. Словно увести Райнса из этого дома — неизбежность, а не мечта.

...

Райнс медленно сполз по двери на пол, обхватил колени и, поджав губы, улыбнулся.

— Ладно. Я тебе верю.

Голос был мягким и снисходительным — тем самым тоном, каким он разговаривал с кошками. Но внутри разлилась горько-сладкая волна. Подобрать этим летом раненого Августа оказалось, пожалуй, самым счастливым событием его жизни.

Вот бы у него и правда был такой младший брат...

На него упала тень. Впервые Август смотрел на Райнса сверху вниз.

Мальчик тоже улыбнулся и начал выводить буквы на его ладони:

— Если Август и правда сможет увести братика отсюда... Райнс пойдет со мной?

Записи, прочитанные Оупеном в древнем алхимическом дневнике, были актуальны и по сей день.

Подчинение среброхвостого принято называть «ловлей на приманку». Начинается с пищи: от серебристой трески — нежнейшие ломтики со спинки, без единой косточки; от лосося — маслянистый кусок с брюшка; или свежайшее мясо креветки, очищенное от панциря. Этим утоляют голод измотанного, загнанного среброхвостого, принуждая его успокоиться.

Кругом — чудовища. Выбора нет, кроме как принять подношение.

Так повторяется раз за разом. Хвосты переплетаются, трутся, медленно сближаются. Когда жертва наконец расслабляется, настает время выманить обещание.

Удивительно, но для этих созданий клятва имела сакральное значение — особенно там, где в ней не было никакой необходимости.

«Хочешь быть со мной?»

Нет, ни один русал не был настолько глуп.

Лучше всего — в тот миг, когда среброхвостый, дрожа от ужаса перед морскими тварями, забивается в угол пещеры:

«Позволь мне быть рядом?»

«Пойдем со мной, хорошо?»

«Я буду вечно защищать тебя, боготворить, отдам тебе всего себя, согласен?»

И тогда, в последней темнице, можно будет снова и снова шептать среброхвостому данное когда-то обещание — под аккомпанемент неспешной, обволакивающей муки и наслаждения.

Совершенно излишний ритуал. Даже нелепый. Но русалки обожали это делать.

В одном Оупен ошибся. Даже на пороге полного восстановления, инстинкты по-прежнему занимали главенствующее место в поведении Существа.

Ни о чем не подозревающий Райнс даже не догадывался, что стоит на самом краю ловушки.

Каждый жест Августа был безупречной имитацией. Тем более что Райнс в эту минуту думал совсем о другом: как обеспечить мальчика едой и лекарствами, пока Тины не будет.

Едва слышный голос инстинкта, давно охрипший от бессилия, был задвинут в сторону.

— Конечно, — беспечно ответил юноша. — Правда, меня выгонят только в восемнадцать, так что вряд ли представится случай.

Вдали, над тихим лесным озером, скользнула птица. Притаившаяся в воде змея молниеносно метнулась и сомкнула челюсти на белоснежном крыле. Две секунды отчаянных ударов о воду — и тишина.

Весь оставшийся день Райнс не находил себе места.

По плану он должен был учить Августа полезным словам, а затем дописать незаконченную рукопись. Но вместо этого голова была забита одним: что делать ночью.

Ему придется... самому пробраться на кухню и украсть еду.

Райнс рассеянно отхлебнул чаю, прижав губы к краю чашки. Горячий напиток обжег нежную кожу, и без того розовые губы вспыхнули ярче.

Бряк! — чашка выскользнула и разбилась об пол, расплескав чай.

Райнс торопливо отодвинул стул и нагнулся собирать осколки.

— ...Братик, — раздался голос сверху, заставив его замереть.

Август, словно ничего не заметив, уже стоял рядом с тарелкой и полотенцем — явно собираясь помочь.

— Не надо, не надо! Иди спать.

Райнс забрал у него посуду и, терзаемый мыслями о предстоящей вылазке, не посмел поднять глаз.

Неизвестно, врожденный ли это дар расы или личная особенность, но кончики его ушей, торчащие из-под золотистых прядей, полыхали алым.

Взгляд Августа беззастенчиво скользнул по ним, а затем замер на белоснежном загривке Райнса.

— Братик... нервничаешь?

Райнс едва заметно вздрогнул:

— С чего бы? Ничего не происходит. Август, иди спать, ладно?

Последние слова прозвучали почти капризно. Какой старший брат говорит с младшим таким тоном? Скорее уж так обращаются к возлюбленному.

Долгие годы заточения в доме Соук деформировали характер Райнса определенным образом, и все его невольные слабости глубоководный хищник смаковал с наслаждением.

Изысканно. Пьяняще-сладко. До того, что хотелось проверить границы еще чуть дальше.

...

Август замолчал.

«Он обиделся?» — встревожился Райнс и поднял глаза, тут же утонув в невозмутимом взгляде напротив.

Ни тени удивления. Август просто стоял и ждал, когда он клонет.

— Братик... что-то... скрывает.

Откуда у ребенка, даже не восстановившего память, такая пугающая пронизательность?

Райнс готов был разрыдаться.

Как объяснить Августу свой план? В доме Соук действовало железное правило: ночью на кухне дежурили горничная и лакей. Еда — слишком опасная вещь; без присмотра любой злоумышленник мог подсыпать яд. Заодно это страховало от воровства среди прислуги.

Тина как-то обмолвилась, что сегодняшняя дежурная — отъявленная лентяйка. Красть она не станет, но гарантированно заснет мертвым сном за котлом. И никогда не попадается, потому что ее напарник-лакей — любовник одной из горничных, каждую неделю тайком сбегающий на свидания.

Эти двое покрывали друг друга и молчали, благо ничего дурного пока не случалось.

По ночам коридоры патрулировали горничные. Если Райнс наденет форменное платье, то даже будучи замеченным, в темноте он сойдет за одну из прислужниц.

Итого: сегодня ночью бастарду семейства Соук предстоит прокрасться при лунном свете в комнату горничных, стянуть форму, переодеться и пробраться на кухню, чтобы, подобно вечно голодной служанке, стащить ломоть хлеба или кусок солонины.

Райнс отчаянно хотел оставаться в глазах Августа старшим братом. Он слишком долго был один, и то, как Август тянулся к нему — как к семье, — было невозможно отвергнуть.

Поэтому под пристальным взглядом темно-синих глаз ребенка его буквально парализовало от стыда. словно его уже поймали с поличным, раздели перед толпой и заставили признаться в двойной краже.

— ...Давай ляжем, хорошо? Я устал, — Райнс отвел глаза, сжимая ткань рубашки побелевшими пальцами.

Какой жалкий лжец. Даже врать не умеет.

Взгляд Августа был беспристрастен, как у судьи. Но перед ним стоял его старший брат.

Поэтому он проявил великодушие.

— Я тоже устал, братик, — произнес мальчик.

Заметив, как Райнс мгновенно расслабился, Август с нарочитой невинностью добавил:

— Давай спать вместе.

Его маленький сереброхвостый тут же обмер от ужаса.

Август едва сдерживал рвущуюся наружу усмешку.

Прелесть, не правда ли?

Они не спали в одной постели — хотя кровать в комнате была всего одна. Между ними Райнс воздвиг баррикаду из свернутого одеяла, гарантируя, что ночью никто ни к кому не прижмется.

Разумеется, это было исключительно его решением. Каждое утро он видел Августа мирно спящим на своей стороне.

Но в действительности каждую ночь, когда луна заливала комнату молочным светом, забинтованный русал медленно приподнимался на локте.

По другую сторону разделительной линии сереброхвостый уже крепко спал — под действием микродозы нейротоксина.

Август неторопливо, начиная с предплечья, разматывал бинты. Его движения были изящны и выверены; вторую полоску он аккуратно наматывал на другую руку. К концу оба рулончика, уложенные на край кровати, выглядели так, будто ими и не пользовались.

Затем Он перебирался через нелепую границу из одеяла и ложился рядом с Райнсом.

Прижимался к нему ледяным, покрытым чешуей хвостом, подобным змеиному телу.

Атласная мягкость чужой кожи, ее тепло и медовый аромат... одна мысль об этом заставляла Августа терять контроль.

Его потребность в Райнсе была отчаянной, неутолимой. Но сейчас было не время для трансформации. Сначала нужно разобраться с алхимиками по ту сторону пролива. И океанское дно уже не то, что тысячу лет назад, — территория, пригодная для гнезда, еще не найдена.

А главное — Август чувствовал, что ему чего-то не хватает.

Так что пока приходилось довольствоваться малым.

Впрочем, «малое» тоже бывает разным. Обнимать бессознательного Райнса — приятно, но не

идет ни в какое сравнение с тем, когда его «братик» сам обвивает его руками.

Август посмотрел на Райнса:

— Вместе. Спать.

— Нет, — Райнс мгновенно попытался отказать, но Август не дал ему и шанса.

У ребенка есть свои привилегии. За считанные дни чернохвостая хитрость проступила в нем со всей очевидностью. Он безупречно контролировал баланс: не настолько навязчив, чтобы вызвать отторжение, но и не настолько покладист, чтобы Райнс нашел повод для отказа.

Август молча опустил глаза и принялся собирать осколки с пола. Ни единого движения он не позволил сделать Райнсу, методично, до последней капли вытерев даже воду.

А затем поднял лицо с невинным выражением: «Ну вот, а теперь можно спать с братиком?»

Смысл был кристально ясен: он убрал весь беспорядок, устроенный Райнсом. Маленький Август заслужил награду.

Он хотел, чтобы Райнс позволил ему быть рядом.

...

В конце концов русал победил, обманув юношу своей безупречной маской невинности.

Когда Райнс укладывал Августа рядом с собой, его пальцы мелко дрожали.

«Стоит ему уснуть, я уйду. Дети засыпают быстро. Третий этаж, лестница, комната горничных, кухня...» — он прокручивал маршрут в голове снова и снова.

Райнс лежал с закрытыми глазами, не подозревая, как соблазнительно выглядит в своем тревожном бессонном ожидании. Его ресницы подрагивали — словно невидимые пальцы перебирали чьи-то струны.

Август облизнул пересохшие губы. Ему хотелось целовать. Начать с переносицы, потом — веки, увлажнить каждую ресничку, спуститься по спинке носа и замереть на губах.

Райнс обнимал Его, и вокруг стоял только его запах. Казалось, это серебристый малек свил гнездо и уложил Его внутрь.

Райнсу не стоит так обращаться с Ним.

Всякий знает: волк, выросший сытым, и волк, вечно голодный, — два совершенно разных зверя.

Впрочем, это не имеет значения. В итоге за все заплатит Райнс.

Август великодушен.

А пока — главный вопрос.

Что задумал его маленький среброхвостый?

Когда луна поднялась над кронами, Райнс с радостью обнаружил, что ребенок в его объятиях крепко уснул. Дыхание ровное и глубокое. Он дважды тихо позвал: «Август?» — ни малейшей реакции.

Наконец-то...

Райнс не мог разобрать, облегчение это или нарастающая тревога. Но в конечном счете его босые ступни коснулись холодного пола.

<http://bllate.org/book/18086/1734611>